

КРИСТЕН ЛЭШ

ТЕНИ ГОНКОНГА

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л92

Kristen Loesch
THE HONG KONG WIDOW
Copyright © Kristen Loesch, 2025
Interior art by Jiksun Cheung
All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Synopsis Literary Agency за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Марины Синельниковой
Серийное оформление Татьяны Гамзиной-Бахтий
Оформление обложки Михаила Корнилова
Иллюстрации Jiksun Cheung

Лэш К.

Л92 Тени Гонконга : роман / Кристен Лэш ; пер. с англ. М. Синельниковой. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 368 с. : ил. — (Новая готика).

ISBN 978-5-389-30025-5

Гонконг, 1950-е годы. Мей, молодая девушка, сбежавшая из Шанхая от китайской революции, получает странное приглашение на состязание медиумов в известном на весь город особняке с привидениями: шестерым участникам предстоит провести шесть сеансов на выбывание, пока не останется один. Девушке хочется отказаться, но хозяйка особняка — жена человека, разрушившего жизнь Мей, и возможность отомстить манит даже сильнее баснословной награды...

Прошли десятилетия, и та роковая ночь битвы медиумов превратилась в городскую легенду о загадочной и жестокой резне, которую полиция признала массовой галлюцинацией. Но есть человек, который уверен, что знает о Мей правду, и ей приходится вернуться в проклятый дом, чтобы наконец раскрыть тайну, преследующую ее всю жизнь...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-30025-5

© М. В. Синельникова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

Пролог

У Сюзанны губы сложены трубочкой, будто она посасывает сладкий корень осморицы. Я ей рассказываю, каково это, когда на тебя нападает неизвестный в темной комнате. Как потом приходишь в себя через полдня: голова раскалывается, один глаз заплыл, ты лежишь на липкой соломе татами, руки, вытянутые вдоль тела, затекли, пальцы скрючены, будто держишь шарик. А у тебя не хватает одного из тех мелких внутренних органов вроде селезенки, о существовании которых узнают, только потеряв их.

Ты знаешь, что не помнить момент нападения — это нормально. Нормально не представлять, как выглядел нападавший, нормально, когда в голове сплошной туман.

Проблема в том, что тумана никакого нет.

Попробуй представить, что прекрасно помнишь нападение — но шиворот-навыворот. В воспоминаниях ты видишь себя на полу, истекающую кровью. И ты подходишь ближе, склоняешься над собственным телом, заглядываешь в собственное лицо.

Ты помнишь себя не жертвой, а нападающим.

— Хм-м, — говорит Сюзанна и делает пометки в электронном планшете.

Сюзанна Торнтон — известная писательница, пишет документальные книги-расследования, не раз получала премии. Сфера ее интересов — запутанные исторические тайны, особенно преступления. Раз уж она захотела со мной по-

говорить, наверняка ее интересует нечто подобное. Просьба об интервью с ее стороны меня ошарашила. Голос Сюзанны по телефону звучал сурово и отрывисто и не выдавал никаких чувств. Но не нужен же ей очередной занудный рассказ о событиях тех десятилетий, которые мне довелось пережить: оккупация Шанхая, война на Тихом океане, коммунистическая революция в Китае.

Я хочу ее заинтриговать.

Хочу пробудить в ней природное любопытство. Хочу, чтобы она рассмеялась мне в лицо. Чтобы отмела рассказанное мной как плод больного воображения, в то же время лихорадочно пытаюсь найти логичное объяснение.

Но ее, похоже, не особенно интересуют темные закоулки моей жизни.

— Это произошло в Шанхае? — спрашивает Сюзанна, но это на самом деле не вопрос, и ответа она не ждет. — Не хочу зря отнимать у тебя время — меня интересует Гонконг. Мэйденхэйр-Хаус.

На секунду у меня такое ощущение, будто я опять прихожу в себя через полдня после нападения.

— Прости, я, наверное, что-то недослышала, — говорю я.

— Мэйденхэйр-Хаус, — повторяет Сюзанна своим четким звонким голосом, натренированным выступлениями перед сотнями слушателей. — Та ночь в конце лета пятьдесят третьего года, которая превратилась в городскую легенду. История о якобы случившейся там резне. О том, как полиция не нашла ни следа убийств, а потом объявила, что произошла коллективная галлюцинация.

— Ну и что тут еще обсуждать? — надеюсь, она не почувствует по голосу, что у меня чуть быстрее забилося сердце.

— Установлено, что в ту ночь в дом вошли несколько молодых женщин, после чего их никто никогда не видел, — продолжала Сюзанна. — Все они беженки от революции, ни род-

ных, ни друзей. Никто не заметил их исчезновения. Я разговаривала с парочкой канадских городских исследователей, которые лет пятнадцать назад провели ночь в Мэйденхэйр, — добавляет она, и в ее голосе слышится удовлетворение. — Один из них подтвердил, что кровь там действительно есть. Когда они обработали помещение люминолом, пятна обнаружились прямо-таки везде. На стенах. На полу. На коврах.

Она говорит таким тоном, будто это что-то невероятное. Кровь под ногами.

Может, в этой стране так и есть.

Но там, откуда я родом, земля всегда красная, стоит только поглубже копнуть.

В соседней комнате свистит кофе-машина, но Сюзанна и бровью не ведет. Думает, что молчанием заставит меня заговорить. Откидывает на спину завесу длинных волос. Мне в голову приходит новая тема: например, как мать заставила меня продать волосы приехавшему в деревню собирателю женских кос, как я упиралась и, не будь такой гордой, умоляла бы ма. Но нам очень нужны были деньги, и ма настояла на своем. Обрезала мне волосы чуть выше линии подбородка.

— Я с этим разберусь, — говорит мне Сюзанна.

Неужели она вернет мне волосы?

Они же давно рассеяны по всему Китаю, будто пепел.

— Я выясню, что случилось в ту ночь, — упрямо продолжает она. Я не очень понимаю: она что-то собирается узнать у меня или рассказать все сама — сюжет-то уже явно сложился у нее в голове, по глазам вижу. — С твоей помощью или без, мама, я узнаю, что случилось в Мэйденхэйр-Хаус. И как получилось, что ты оттуда выбралась.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Сиэтл, штат Вашингтон, 2015

Обеденный стол у Сюзанны длинный. Он рассчитан на то, чтобы за ним сидело много народа, а не мы с ней вдвоем. И накрыт он на большее количество народу, не только на нас с ней. Стол накрыт: расставлены тарелки, разложены изящные серебряные приборы. Этих ножей мне бы хватило, чтобы превратить скатерть в традиционный китайский узор в технике *цзяньчжи* — вырезания из бумаги. Странно это все выглядит, странно и пугающе. Когда-то, конечно, тут каждый день обедали трое — Сюзанна, ее первый муж Питер и моя внучка Лиана. Потом последовал развод, и их осталось двое. Потом Сюзанна вышла за Дина, и их снова стало трое. Потом Лиана уехала в колледж. Их опять осталось двое. А теперь и Дина больше нет.

Сегодня здесь ужинаю еще и я, но моя дочь ведет себя так, будто она одна.

Сюзанна сидит напротив меня и читает что-то на экране телефона. Я вижу, как движутся под веками ее глаза. Всю еду, которая стоит на столе, она только что достала из холодильника.

Я делаю глоток чая. На вкус он будто из песка.

— Что-то не так, ма? — спрашивает Сюзанна.

— Просто тут так холодно. Ты что, весь дом из холодильника достала?

Она вздыхает.

— Тебе необязательно было оставаться на ужин.

Но как я могла уйти после такого разговора?

Много лет я даже не думала про Мэйденхэйр-Хаус, но теперь воспоминания вспыхнули во мне ярче люстры над головой. Сюзанне, конечно, невдомек, как на меня повлияли ее вопросы — для нее это просто очередная заплесневевшая от старости история о загадочных убийствах. Интересно, как дочь узнала, что в ту ночь я была в особняке? Тоже небось сидела в плохо освещенной комнате, щурясь на экран гаджета.

Я представляю себе длинный список женских имен. Представляю, как Сюзанна непонимающе смотрит на него, но в конечном счете верит своим глазам.

Больше всего меня удивляет не то, что она узнала о моем присутствии в Мэйденхэйре и что решила взяться за расследование.

Самое удивительное — что моя дочь встала с постели.

Последние три месяца, после смерти Дина, она практически не выходила из дома.

— Да, я там была, — говорю я и вижу ее изумленный взгляд. — Но никогда ни с кем не обсуждала ту историю. Не потому, что мне есть что скрывать, — просто не хотела раскапывать прошлое, будто могилу.

Мои слова действуют на нее ровно так, как я хотела и боялась: Сюзанна откладывает телефон и полностью сосредотачивается на мне.

— Но теперь ты готова об этом рассказать? — спрашивает она.

Я замечаю, что она даже не взяла в руки ни ложку, ни вилку. Совсем худая, как стебель бамбука.

— Если ты взамен кое-что сделаешь для меня.

— Что?

— Выясни, почему я помню то давнее нападение на меня с точки зрения нападавшего.

— Это то, о чем ты сегодня говорила?

— Да, таково мое условие.

— Ма, прости за прямоту, — говорит она устало, — но, думаю, это игра воображения. Твой мозг пытается защитить тебя от травмы. Но если ты хочешь, чтобы я выяснила, кто на тебя напал, можем попробовать. Когда это было? Надеюсь, не в детстве, потому что если это Шанхай тридцатых, то у нас там японские солдаты, гангстеры, наркоторговцы, криминальные боссы, — продолжает Сюзанна, будто я не знаю всего этого, будто не жила там. — Может быть сложно...

— Я не говорила «кто». Я сказала «почему».

— Ну, в любом случае придется подождать. Я лечу в Гонконг собирать информацию.

Сюзанна шумно вдыхает через нос, будто ожидая моих возражений. Возражения у меня и правда есть. Мне хочется сказать: если мозг защищается от произошедшего, с чего тебя вдруг так заинтересовала история Мэйденхэйр-Хаус? Старые нераскрытые убийства? Ты говоришь, что хочешь найти ответ, а я думаю, что хочешь ты не этого. Ты хочешь охотиться. Преследовать. Бежать. Тратить время на людей, которые не могут умереть у тебя на руках, потому что они уже мертвы.

Ну, хоть с постели встала.

Возможно, это начало новой стадии горя. Сначала она не могла пошевелиться, а теперь не может усидеть на месте.

До самого конца ужина Сюзанна держит голову так, что волосы закрывают ей лицо, не дают мне ее разглядывать. Ни единого седого волоска — она красится. Кукольные волосы. Как раз подходят к кукольной оде и кукольному дому. Теперь ей не хватает только кукольного мужа. Надо бы рассказать ей, как я познакомилась со своим будущим мужем, ее будущим отцом, на шумном рынке в Чимсачёй: болталась возле прилавка со столетними яйцами, и вдруг подошел парень. Чтобы заговорить со мной, ему пришлось наклониться. В то утро я не завтракала и меня мучил голод; сквозь бур-

чание в животе я услышала его извинения за беспокойство. Он был бессовестно красив — достаточно красив, чтобы забыть один голод и вспомнить другой. Парень протянул мне руку ладонью вверх. «Кажется, вы уронили...»

Я схватила с его ладони свою заколку с белым пионом.

Он спросил, не хочу ли я столетнее яйцо.

Самые разные желания уже и так разъедали меня изнутри, как ржавчина железо.

— Такое мое условие, — говорю я дочери. — Скажешь мне, когда решишь.

Сюзанна не отвечает.

У столетнего яйца крепкая, почти непробиваемая скорлупа, но внутри оно мягкое. Оно словно слезами сочится.

Завеса облаков перед нами приподнялась, открывая очертания Каскадных гор. Сюзанна внезапно согласилась отвезти меня домой. Сгорбившись над рулем, она потирает красное пятно на запястье. Свет от яркого экрана на панели управления бесцеремонно бьет в глаза. Не понимаю, зачем Сюзанна включила навигацию — она должна помнить дорогу до моего дома, во всяком случае до наступления темноты.

Может, конечно, для моей дочери теперь всегда ночь.

На экране отображается телефонный звонок: Лиана. Сюзанна не отвечает.

— У Лианы до сих пор проблемы со сном? — спрашиваю я, когда звонки прекращаются. — Бессонница и кошмары?

— Если верить Питеру, то да, — отвечает она. — А теперь она еще и...

— Еще и что?

— Видит... всякое, — выдыхает Сюзанна.

— И что же видит моя внучка?

— Не знаю.

— Возможно, если бы ты отвечала на ее звонки, то узнала бы.

— Питер говорит, ей не нравится магистратура. Он считает, что не нужно пока делать из этого какие-то глобальные выводы.

— А ты с ним лично разговаривала? Или с ней? Или вы так и общаетесь этими всплывающими сообщениями, от которых у меня голова раскалывается?

Сюзанна не отвечает — слишком занята расчесыванием красного пятна на запястье. Лиана приезжала из Лос-Анджелеса незадолго до смерти Дина, и с тех пор мать с дочерью лично не общались. На похороны Лиана не приехала, потому что, прежде чем забраться в нору из одеял, Сюзанна быстро организовала кремацию и обошлась без похорон. За последние несколько месяцев она не общалась ни с кем, кроме меня, и то только потому, что у меня ключ от ее дома. И потому что меня игнорировать не получится.

Я вела себя так тактично. Кружила вокруг нее, словно облачко.

И толку-то?

Теперь она наконец выбралась из дома, но не в Лос-Анджелес, а в Гонконг. Решилась наконец поднять голову, но не выше экрана смартфона.

— Знаешь, ма, тебе не стоит жить одной. — Сюзанна решает перейти в атаку. — Мы же как-то говорили о том, чтобы найти тебе место в...

— Ну я хоть не в твоём доме живу. Это настоящая коробка.

Она вздрагивает от моего тона.

— Сюзанна, у тебя там воспоминания торчат из стен, как гвозди. Неудивительно, что ты такая бледная и болезненная. Ты истекаешь кровью. Продай его.

— Слушай, ну у тебя все по-другому было, — говорит она, сжимая руль. — Ты не любила папу так, как я любила...

Она не в силах договорить, но я слышу в ее голосе горький триумф. Будто она хочет сказать: признайся, что ты

его не любила. Признайся, что ты не представляешь, каково мне.

— Зависит от того, что ты имеешь в виду под любовью, — говорю я. — Он очень много для меня значил. Я по нему скучаю. Но меня не выворачивало из-за него наизнанку, да он этого и не требовал. Понимаешь, к тому времени, как мы познакомились с твоим отцом, мне вовсе не хотелось чего-то хрупкого, такого, что могло бы рассыпаться в прах прямо у меня в руках. Я словно долго плыла, жадно ловя воздух, а с ним у меня появилась лодка. Мы вместе построили ее и знали, что она будет нести нас столько, сколько нам понадобится.

— Ну, я не хотела лодку, я хотела нечто другое, — с жаром заявляет дочь, — и получила.

— Будь у тебя сейчас лодка, может, ты бы не зависла так на одном месте.

— Да хватит уже про лодки! Иногда просто невозможно... невозможно просто оставить все позади и жить дальше, мама! Вот так легко и быстро! Я не готова продать дом. Просто не готова. Я...

— Так ты решила, принимаешь мое условие?

Снова тишина, но на этот раз его нарушают атмосферные помехи. Начинается дождь. Сюзанна включает дворники, и они с недовольным скрипом скребут по ветровому стеклу.

— Я хочу сначала разобраться с Мэйдехэйром, — говорит она, — а потом да, готова заняться этим твоим... нападением.

Она снова скребет запястье, на этот раз до крови.

Впервые я увидела Мэйдехэйр-Хаус в сентябре 1953 года.

Но по-настоящему история начинается гораздо раньше.

Я смотрю на свою дочь, на очертания ее подбородка, на запавшие глаза, на волосы, падающие потрепанной шалью на лицо, на ворот свитера, застегнутый до последней пуговицы и сдавивший горло, будто петля.

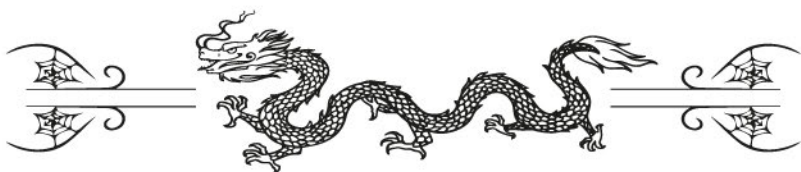
— Я полечу с тобой в Гонконг, — произношу я, и Сюзанна вздрагивает от удивления.

— Ты шутишь?

— Почему нет? Я десятилетиями копила бонусные мили авиакомпаний — обидно будет умереть, так их и не используя. Я уже накопила на вип-статус — могу лететь бизнес-классом. — Сюзанна продолжает возражать, но мы уже приехали на место, к маленькому бунгало, где я почти полвека прожила с покойным мужем. Мне хочется сказать дочери: не возвращайся в свой коробочный дом. Коробки не для жизни, людей в них хоронят. — У них там еще бонусом ускоренное прохождение паспортного контроля, — говорю я ей. — Это самое важное.

— Вот это — важное? Ма, тебе восемьдесят пять! Кому какое дело до ускоренного прохождения миграционного контроля? Ты не можешь просто...

Кому есть дело? Тем, кому восемьдесят пять. Кто может умереть в любой момент, просто упасть и умереть. Кто слишком долго жил на границе, между странами и не хочет умереть где-то посередине.

2

Цзюлун, Гонконг, сентябрь 1953 года

Последняя на сегодня посетительница — пожилая дама с ярко-белыми волосами и похожей на скипетр тростью с золотым набалдашником. С плеч у нее ниспадает роскошный зеленый плащ; она ходит по проходам, изучая товары, а плащ метет пол. Дама негромко болтает, будто бы сама с собой, переходя от одной сплетни к другой — про романы какого-то чистильщика ботинок и про то, какой увалень сынок у такой-то прачки. Помощь ей явно не требуется, так что Мей начинает заново обставлять витрину: медные статуи будд и тарелки из цзиндэчжэньского фарфора пора сменить на полированные *цзисюэши*¹ и *тяньхуан*². Убрать модели корабликов и перламутровые комплекты для игры в маджонг и поставить фонарики, которые нужны к празднику середины осени.

Миссис Волкова часто говорит, что Мей стоит повесить в витрине свои бумажные вырезки, например свои фирмен-

¹ Дословно — «камень куриной крови»; камень с ярко-красными вкраплениями киновари, высоко ценится в китайской культуре, особенно как материал для печатей.

² Дословно — «желтый камень с рисового поля»; одна из самых ценных разновидностей печатного камня в Китае. Его называют «царем камней» или «камнем императоров», так как желтый цвет — символ императорской власти.

ные — распустившиеся пионы. Разве эти вырезки не предназначены для окон? Чтобы свет лился сквозь прорези в бумаге, создавая что-то вроде негатива?

Но Мей прикалывает свои работы к стенам в глубине магазина. Она считает, что солнце их только испортит.

Вечер затих и застоялся. «Лавке диковин Волковой» давно пора бы закрыться, но посетительница все не уходит. Когда имеешь дело с такими людьми, требуется терпение, как у богини Тхиньхау, чтобы не сорваться, — ну или просто уметь работать с клиентами. Мей сжимает зубы, утирает пот со лба. Может, усилия еще окупятся — она чувствует, что эта дама может себе позволить купить все это здание, приземистое, заброшенное и грязное, а богачи редко забираются в этот конец Цзюлуна.

Дама говорит:

— Вы, наверное, слышали о Джордже Мэйденхэйре?

Красные ромбовидные флажки с иероглифами выкальзывают у Мей из рук.

Она быстро их подбирает. В витрине некуда даже в обморок упасть — не на будд же лицом. Долгое время проговорив без остановки, женщина наконец умолкла и ждет ответа, но что Мей может сказать в ответ? Да, тетушка, я слышала о Джордже Мэйденхэйре; я не раз произносила его имя, я выкрикивала его, зажимая себе рот ладонями. Да, тетушка, и он обо мне слышал. Но, видите ли, нас разделяют много лет, и сотни миль, и целая страна.

Посмотрите, как хорошо я развешиваю флажки, даже руки не трясутся...

Пожилая дама повторяет четыре слога полного имени Джорджа. Она говорит, что в Шанхае ему принадлежала полукриминальная бизнес-империя. Что он практически единолично владел Парижем Востока. Что женился на бывшей актрисе немого кино Холли Чжан. Наверняка Мей слыша-

ла о нем, потому что его знают даже рыбаки в Лей Юэ Мун¹, даже тощие рикши с прилипшими к позвоночнику животами, даже опиумисты, неподвижно, как надгробия, лежащие в притонах, даже бандиты из Триад, никогда не выходящие за пределы почерневших дворов крепости Цзюлун, — его знают все.

Но в таком городе, как Гонконг, где новые здания растут поверх старых, все вечно уверяют, что знают всех.

Слушая все это, Мей переворачивает вверх ногами иероглиф *фу*², чтобы из него к празднику середины осени текла удача. У нее возникает ощущение, что она сама встала на голову. К щекам приливает жар; наверное, они красные, как флажки.

На мгновение ей хочется обрушить всю витрину.

На мгновение ей хочется разодрать в клочья все, что она так долго развешивала.

Джордж Мэйденхэйр — *тайпан*, что значит и «магнат», и «ядовитая змея». Джордж Мэйденхэйр родился в Америке, учился в Оксфорде и направляется прямым путем в ад. Джордж Мэйденхэйр — смех у него густой, как суп из тяньцзиньской квашеной капусты, вот только без души. Джордж Мэйденхэйр — в Шанхае его звали Золотым, то ли за светлые, как яичный желток, волосы, признак удачи, то ли за богатство, но Мей сказала бы, что он ложный бог. Джордж Мэйденхэйр расколол жизнь Мей пополам, как она могла бы расколоть одну из фарфоровых тарелок на витрине — безвозвратно.

По поводу Джорджа Мей может сказать не меньше, чем эта женщина. Она и сама может вести такой монолог, не требуя ответа.

¹ Дословно — «Ворота карпа», пролив между Цзюлуном и островом Гонконг, а также название района на востоке Цзюлуна, где исторически селились рыбаки.

² Иероглиф, обозначающий счастье, удачу, благополучие.

Женщина подходит к витрине, и плащ бьется и трепещет вокруг нее, словно рыба. Вблизи видно, что она не так уж и стара. Вблизи видно, что яркие седые волосы — это парик, а трость с золотым набалдашником — возможно, оружие. Она говорит, что Джордж Мэйденхэйр несколько лет назад купил старый особняк Холлов на Виктория-Пик и переименовал его в Мэйденхэйр-Хаус. Говорит улыбаясь, будто ее веселит, что беженцам от революции, сейчас наводняющим Гонконг непрерывным потоком, уже не нужны фамилии — они потеряли всех родных, а такие, как Джордж, лепят свою на все подряд.

Мей и сама сбежала от революции.

Но не только от нее.

Мей покинула Шанхай в восемнадцать лет, в 1948 году, будучи абсолютно уверенной, что не может больше жить с Джорджем Мэйденхэйром в одном городе, что они просто не могут сосуществовать. Кто-то должен уехать — или умереть. Мей вдруг чувствует себя загнанной в угол. За ней витрина, перед ней эта женщина, и повсюду Джордж. Она пытается отойти от витрины, но никак не получается. Самообладание изменяет ей. Язык как будто распух и заполнил весь рот.

Посетительница вроде бы ничего этого не замечает.

— Холли Чжан, жена Джорджа, очень интересуется оккультизмом, — говорит она. — Вы, возможно, слышали, что рассказывают про старый Холл-Хаус?

Скажи же хоть что-нибудь, Мей.

Скажи что-нибудь, чтобы не закричать.

— Никогда, — напряженно говорит Мей. И даже если бы услышала, не поверила бы. В Гонконге на каждом углу готовы рассказать местную легенду или байку о призраках. О мертвых здесь ходит не меньше сплетен, чем о живых. Мей так бы и ответила гостье, но здесь явно что-то не так. Эта дама явно пришла сюда не случайно. Случайно в Цзюлун попа-

ла сама Мей: добралась на перекладных из Шанхая в Макао; потом еле нашла место на джонке контрабандистов, которая пошла ко дну у самого берега; потом оказалась в солоноватой воде Южнокитайского моря; потом много часов плыла, пока ее не вынесло на затерянный пляж с песком настолько белым, что обжигал глаза. На рифах Мей жестоко изрезалась об устриц и, выбравшись на берег, оставляла за собой кровавый след — местные говорят, он до сих пор там.

По пути в эту лавку она пачкала все, к чему прикасалась.

Мей не знает, что именно выдало даму: то ли один откровенно блестящий глаз, тот, что побольше, то ли до странности пустой второй, то ли направленный на Мей взгляд — так когда-то смотрели на нее саму.

Эта вовсе-не-старуха и есть Холли Чжан.

Бывшая модная красавица, сверкающая звезда немого кино. Символ Шанхая, которого больше нет. Мей внезапно ощущает жар давних ленивых летних ночей. Запах лавки, где продаются вонтоны, спрятанной в переулке, словно карта в рукаве шулера. Легкое поскрипывание джазовой пластинки. Она видит рекламные щиты на далеких зданиях, сияющие ярче луны.

Видит кровь у себя на руках, на одежде, кровавую лужицу у ног.

Мей уронила бы флажки снова, но в руках у нее пусто.

Жена Джорджа Мэйденхэйра пришла в «Лавку диких Волковой». В жизнь Мей. Перешла ей дорогу. До сих пор она демонстрировала Мей только прикрытие, фальшивый фасад, что-то вроде метущего пол длинного плаща, но теперь открывает свое истинное лицо. Мей не представляет, как Холли нашла ее здесь, в дебрях Цзюлуна, настолько глубоких, что ей иногда кажется, что она под землей. Но какая разница? Наверняка Холли знает, что Мей уже сталкивалась с Джорджем Мэйденхэйром, иначе зачем ей приходить? Может, она обнаружила бумажные марионетки для театра теней, которые

Мей когда-то сделала для Джорджа. Может, ею движет ревность, основанная на неверном предположении о характере отношений Мей и Джорджа, — в конце концов, Мей молодая китаянка, бедная и красивая, а Джордж старше ее лет на тридцать, белый, богатый и могущественный. Холли не первая, кто заблуждается насчет этого.

Мей легко могла бы сказать правду: ничего такого у меня с вашим мужем нет. И никогда не было.

Но у нее уже столько желчи в горле, что щиплет глаза.

— Мне нужна твоя помощь, — говорит Холли.

Холли Чжан, оказывается, хорошая актриса.

Какая еще северянка может так говорить на кантонском диалекте, орудуя всеми девятью тонами, как остро отточенным ножом?

— Я знаю, кто ты на самом деле, дитя мое. Мы ведь уже встречались, — говорит Холли. — Много лет назад. Но ты, возможно, меня не помнишь — тогда ты была звездой, а я одной из толпы.

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

КРИСТЕН ЛЭШ
ТЕНИ ГОНКОНГА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 21.08.2026.
Формат издания 60 × 88 1/8. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 22,54. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

R-60T-39176-01-R